

СОВРЕМЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС

CONTEMPORARY LITERARY PROCESS

DOI 10.22363/2312-9220-2021-26-1-43-51

УДК 821.161.1

Научная статья / Research article

Онтология смерти в романе М. Шишкина «Письмовник»**Д.В. Кротова**

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1.*

✉ da-kro@yandex.ru

Аннотация. Выявляются и характеризуются ключевые бытийные грани осмысления феномена смерти в романе М. Шишкина «Письмовник». В анализируемом произведении, как и в художественном мире Шишкина вообще, категория смерти предстает одним из важнейших объектов художественной рефлексии. Исследование раскрывает противоположные грани постижения названного феномена: смерть как безусловное зло и чудовищный абсурд (что подчеркивается многочисленными антиэстетическими характеристиками образов умирания и гибели в романе), и в то же время преодолимость смерти и того зла, которое она несет в себе, расценивание смертности в художественном пространстве романа не только как деструктивного начала, но и как необходимого элемента онтологического равновесия и выражения скрытой от несовершенного человеческого сознания мудрости мироустройства. Аргументируется идея о глубинном внутреннем единстве категорий смерти и любви в романе. Осмысливается парадоксальная идея Шишкина о танатологической стихии как сфере жизнепорождения. Формулируются выводы о неомодернистских ориентирах творчества писателя.

Ключевые слова: русская литература, современная литература, Шишкин, «Письмовник», тема смерти, образ вечности, категория слова, неомодернизм

Благодарности и финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Шанхайского фонда философии и общественных наук, проект «Направления и школы современной русской литературы» (2019BWY028).

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 10 декабря 2020 г.; принята к публикации 25 декабря 2020 г.

Для цитирования: *Кротова Д.В.* Онтология смерти в романе М. Шишкина «Письмовник» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2021. Т. 26. № 1. С. 43–51. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2021-26-1-43-51>

© Кротова Д.В., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

The Ontology of Death in M. Shishkin's Novel *The Letter Book*

Daria V. Krotova

*Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation*

✉ da-kro@yandex.ru

Abstract. The purpose of the study is to characterize the understanding of the phenomenon of death in M. Shishkin's novel *The Letter Book*. In this work, as well as in the literary world of Shishkin in general, the category of death appears as one of the most important objects of reflection. The opposite facets in comprehension of this phenomenon are revealed: death as unconditional evil and monstrous absurdity (which is emphasized by the numerous anti-aesthetic characteristics of the images of dying and death in the novel), but at the same time, the phenomenon of death and the evil that it carries in itself are overcome, and mortality in the literary sphere of the novel is regarded not only as a destructive beginning, but also as a necessary element of ontological balance and an expression of the wisdom of the world order hidden from imperfect human consciousness. The idea of the deep internal unity of the categories of death and love in the novel is argued. Shishkin's paradoxical idea of the thanatological element as a sphere of life creation is understood. Conclusions about the neo-modernism guidelines of the writer's work are formulated.

Keywords: Russian literature; modern literature; Shishkin; *The Letter Book*; the theme of death; the image of eternity; category of word; neomodernism

Acknowledgements and Funding. The study has been carried out with a financial support of Shanghai Foundation for Philosophy and Social Sciences, the project "Directions and Schools of Contemporary Russian Literature" (2019BWY028).

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted December 10, 2020; revised December 15, 2020; accepted December 20, 2020.

For citation: Krotova, D.V. (2021). The ontology of death in M. Shishkin's novel *The Letter Book*. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 26(1), 43–51. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2021-26-1-43-51>

Введение

Роман М. Шишкина «Письмовник» (2010) – одно из значимых явлений современного литературного процесса. Произведение привлекает читателей и исследователей искренностью чувства, мастерством стиля и, безусловно, глубиной онтологической проблематики. Роман посвящен размышлениям об основополагающих бытийных аспектах, среди которых важнейшее место занимает проблема смерти. В «Письмовнике» смерть предстает одной из фундаментальных категорий, во многом определяющих контуры художественного мира произведения. Шишкин сам неоднократно подчеркивал особую роль названной темы в своем романе [1]. В «Письмовнике» изображено много смертей, весь текст буквально пронизан сюжетом ухода из этого мира, расставания с жизнью. Смерти, описанные здесь, очень различны: внезапные и подготовленные долгими болезнями, неожиданные и печально ожидаемые, насильственные и закономерно завершающие естественный

процесс старения. Как признается Владимир, главный герой романа, участник подавления Ихэтуаньского восстания в Китае, смерть «здесь кругом. С утра до поздней ночи и даже во сне» [2. С. 204]. И Володя, и его возлюбленная Сашенька постоянно размышляют о смерти, и это явление осмысливается многогранно, объемно и разнопланово. Задача настоящей статьи заключается в характеристике того видения феномена смерти, которое представлено в произведении.

Обсуждение

В «Письмовнике» М. Шишкина наиболее очевидная грань онтологии смерти связана с восприятием ее как *безусловного зла*. Этот аспект осмысления идеи смерти включает такие коннотации, как тотальная абсурдность, бессмысленность. Смерть зачастую предстает необъяснимой, катастрофической, вопиющей игрой случая. Так, гибель Володи разрушает (как читателю кажется поначалу) счастливый союз влюбленных; абсурдными предстают многочисленные смерти солдат, отдающих свои жизни в разрушительном и бесполезном военном столкновении. Гибель на войне, часто в жесточайших страданиях, молодых, сильных, здоровых людей показывается в романе трагичной и полностью лишенной какого бы то ни было разумного оправдания.

Мысль о смерти как чудовищном абсурде подтверждается даже стилевым обликом похоронки, сообщившей Володиной матери о гибели сына: язык этого извещения становится гротесковым напластованием официальных штампов, бюрократических и сугубо речевых оборотов, перечислением разных возможных (но в равной мере абсурдных) вариантов кончины Володи. Смерть раскрывается здесь как фатальное зло – непостижимое и страшное в своих уродливых гримасах.

Смерть в обыденных житейских обстоятельствах также изображается отнюдь не возвышенно. Здесь тоже на первом плане оказываются физиологические детали (нередко отталкивающего характера): так, больная раком мать Саша накануне ухода из жизни превращается в «истощенную болезнью старуху», у которой «огромные безобразные шрамы вместо груди» [2. С. 329], в описании умирающего отца главной героини еще более нагнетается физиологизм – обвисшая и дряблая кожа, пролежни, запах нездорового тела. Даже Саша, любящая дочь, «морщится от вони», ухаживая за отцом. Нарочитый антиэстетизм в изображении смерти подчеркивает ее разрушительную, деструктивную суть, противостоящую благим жизненным началам.

Вместе с тем видение смерти в романе Шишкина неоднозначно, сложно и включает различные, даже противоположные грани. Так, смерть и, соответственно, то зло, которое она несет в себе, оказываются не всемогущими. В художественном пространстве романа смерть принципиально преодолима. Так, связь между влюбленными не распадается после ухода Володи из жизни, их душевное единство не утрачивается, и роман в письмах продолжается. Более того, на последних страницах произведения Володя и Сашенька вот-вот встретятся («Любимая! Родная моя! Я иду к тебе. Осталось совсем немного» [2. С. 411]). Смерть не способна воспрепятствовать их соединению, и сила любви преодолевает тлен.

Смерть в романе расценивается не только как деструктивное начало, но и как *бытийная необходимость, выражение скрытой от несовершенного человеческого сознания мудрости мироустройства*. Особенно очевидно подобные смыслы выходят на первый план в сцене беседы Саши с высшим началом, именуемым «Весть и вестник», которое ранее являлось уже ей в образе горящего куста (несомненно здесь библейская аллюзия). «Весть и вестник» объясняет Саше, что смерть является оборотной стороной любви: нужно уметь жертвовать, отдавать, и чем сильнее испытываемое чувство, тем большую онтологическую значимость обретает жертва. Смерть вовсе не оказывается бессмысленной потерей, она в конечном счете служит благу: Саша, пройдя длинный жизненный путь, пережив уход любимого в мир иной, оказывается достойна встречи с ним в пространстве вечности.

Важный элемент бытийных размышлений Шишкина в этом романе – идея о *глубинном внутреннем единстве категорий любви и смерти*. В одном из своих писем к Володе Саша даже говорит о том, что «все великие книги, картины не о любви вовсе. Только делают вид, что о любви, чтобы читать было интересно. А на самом деле о смерти» [2. С. 15]. В истории мирового искусства сущностное родство этих категорий далеко не единожды становилось объектом многогранной рефлексии. Особенно пристально взаимосвязь категорий смерти и любви осмысливалась художниками второй половины XIX – начала XX вв. Достаточно вспомнить оперу Р. Вагнера «Тристан и Изольда» (1865), драму М. Метерлинка «Пеллеас и Мелизанда» (1892), а также написанную на основе этого произведения одноименную оперу К. Дебюсси (1902). В русской культуре обозначенного периода эта тема также обрела яркое художественное воплощение – например, в поэме-сказке М. Горького «Девушка и Смерть» (1892), где близость этих категорий основана, главным образом, на представлении о том, что с возвышенным и прекрасным всегда соседствует уродливое и разрушительное, и жизненный процесс в значительной степени и заключается в борьбе противоположных начал.

У Шишкина в осмыслении единства этих начал на первом плане оказывается нравственная грань. Смерть, неизбежно коррелируя с любовью, становится моральной необходимостью, предопределенной потерей, которая лишь укрепит в вечности союз любящих и сделает души, пережившие страдание, достойными друг друга. Шишкин, с одной стороны, следует представлению о единстве Эроса и Танатоса, намеченном научными (З. Фрейд) и художественными исканиями рубежа веков, а с другой стороны, предлагает и иное, собственное прочтение идеи глубинной взаимосвязи этих категорий.

Существенный ракурс онтологии смерти раскрывается в сцене ухода из жизни Сашиного отца: героиня романа характеризует минуту смерти как «самую важную в жизни человека» [2. С. 395]. Держа отца за руку в этот момент, она «чувствовала себя счастливой» [2. С. 395]. Здесь смерть предстает вовсе не как зло, а как *неизбежный и исполненный наивысшей значимости момент человеческого бытия*.

Именно смерть, как это ни парадоксально, осмысливается в ряде эпизодов романа как *стихия жизнепорождения*. Подобные смыслы раскрываются уже на первых страницах произведения: одновременно и иронически

постулируется, и гротесково опровергается мысль о том, что «сперва был большой взрыв и все сущее разлетелось. Причем все якобы существовало уже до взрыва – и все еще не сказанные слова, и все видимые и невидимые галактики» [2. С. 5]. Жизнь началась с того, что «первоарбуз треснул. Семь на разлетелись и дали ростки» [2. С. 5]. Взрыв, покончивший с прежним состоянием мира, таким образом, дал начало новому витку существования вселенной и стал двигателем новой жизни.

Аллюзии, связанные с жизнепорождающей стихией, возникают в романе и при осмыслении природных реалий, традиционно ассоциирующихся со смертью. Речь идет о фантастическом появлении на свет Сашиной дочери, которая была слеплена из снега, а затем, отогретая материнским теплом, превратилась в обычного ребенка. Образ зимы в привычном семантическом спектре, сложившемся в фольклоре и литературе, нередко сопрягается с такими коннотациями, как умирание, безжизненность, застылость. В «Письмовнике» же именно в зимней стихии зарождается новая жизнь, в результате чего и существование самой Саши наполняется прежде небывалым смыслом.

Глубинное онтологическое значение смерти заключается и в том, что осознание конечности человеческого бытия *предельно обостряет чувства, делает ощущение жизни более ярким, наполненным и отчетливым*. Володя накануне сражения пишет Сашеньке: «Может быть, это из-за ожидания первого боя, не знаю, но я все здесь чувствую острее. <...> Я все вижу по-другому, ярче, будто какая-то пелена спала с глаз, через которую смотрел на жизнь раньше. Все чувства напряжены, я слышу ночь кругом пронзительно – все шорохи, крики птиц, шуршание в траве. Звезды над головой ближе, крупнее. Будто я жил в каком-то ненастоящем мире, а теперь вот я начинаюсь – настоящий» [2. С. 122]. Высказывая подобную идею, Шишкин следует определенной традиции. Так, представление об особой обостренности эмоции в лирике А. Ахматовой высказывал М. Кузмин, вспоминая об обществе в Александрии, «члены которого для более острого и интенсивного наслаждения жизнью считали себя обреченными на смерть. Каждый день их, каждый час был предсмертным. <...> Сама мысль о предсмертном обострении восприимчивости и чувствительности эпидермы и чувства более чем справедлива» [3]. Герой романа Шишкина также ощущает всю полноту бытия именно накануне близкой смерти, и даже его любовь к Саше в это время становится иной: «Я ведь говорил тебе не раз: я тебя люблю. Но сейчас мне кажется, что я говорю это тебе впервые. Потому что теперь я люблю тебя совсем по-другому, иначе. Слова те же, а значат для меня намного больше» [2. С. 123].

В связи с размышлениями о жизни и смерти в тексте романа многократно возникает лейтмотивный образ – *трамвай, который движется к вечности*. Прогуливаясь по городу, Саша вдруг понимает, что «трамвайные рельсы идут к невидимому гвоздику, на котором держится мир. И вдруг так отчетливо увидела: от всех предметов тянутся к этой точке схода линии, будто нити. Вернее, будто туго натянутые резиночки» [2. С. 175]. Этот же образ в ироническом контексте, скрывающем самую глубокую боль переживания, возникает и в эпизодах смерти матери, а потом и отца Саши. Когда

умирает мать, отец восклицает: «Видите ли, она умирает! А мы, значит, не умираем? В трамвае едем! А куда мы едем? Туда и едем!» [2. С. 345]. И почти теми же словами Саша вскоре отвечает отцу: «Умирает он! А мы не умираем? В трамвае едем?» [2. С. 394]. Лейтмотивный образ движущегося трамвая появляется и в ряде других сцен романа, становясь знаком нескончаемого потока бытия и быта. Возникают семантические параллели со стихотворением Н. Гумилева «Заблудившийся трамвай», где заглавный образ вырастает до сложнейшего онтологического символа: трамвай увозит лирического героя за пределы земного бытия, тем путем, который ведет в «Индию Духа». В романе Шишкина, как и в стихотворении Гумилева, трамвай оказывается мистическим символом, в своем движении он свободно преодолевает времена и пространства. У Гумилева трамвай пролетает «сквозь рощу пальм», «через Нил и Сену» и влечет лирического героя туда, где вновь встречается «нищий старик, – конечно, тот самый, / Что умер в Бейруте год назад» [4. С. 298], и сам лирический герой тоже предстает мертвецом: «В красной рубашке, с лицом как вымя, / Голову срезал палач и мне, / Она лежала вместе с другими / Здесь, в ящике скользком, на самом дне» [4. С. 298]. Так же и в романе Шишкина трамвай становится связующим звеном между мирами. Так, Саша, сев в трамвай, встречается со своим отцом, на самом деле уже перешагнувшим порог земного бытия. И у Гумилева, и у Шишкина образ трамвая включает в себя целый спектр бытийных смыслов: это и символ жизненного движения как такового, и знак мистического проникновения в иные миры и пересечения границ между ними, и атрибут погружения в смерть и одновременно избавления от нее.

Размышляя о путях преодоления смерти в романе Шишкина, нельзя не упомянуть и о *категории слова*, которая является одной из важнейших в мышлении писателя и подвергается глубокой художественной рефлексии в целом ряде его текстов. Слово наделяется у Шишкина статусом подлинной реальности; персонажи Шишкина, по мнению Н.М. Солнцевой и М.А. Хлебуса, «живут в пространстве языка» [5. С. 37]. В «Письмовнике» значимость категории слова подчеркивается уже самим названием произведения. О том, что такое слово и какова его бытийная специфика, размышляют в «Письмовнике» оба участника переписки. Среди самых ярких метафор, возникающих при осмыслении этой категории, – например, образ слова как Ноева ковчега, который спасает от небытия явления и предметы действительности. В одном из своих писем Володя называет слово единственной подлинной дорогой к бессмертию. Он вспоминает о существовании человека, «такого же реального, как ты и я, который написал когда-то: „В начале было слово“. И вот слова его остались, а он – в них, они стали его телом. И это единственное реальное бессмертие. Другого не бывает» [2. С. 217].

С размышлениями Володи резонируют и суждения Сашиного отца, который, желая одержать верх над своими недругами и отомстить им, придумал самый действенный способ: не упоминать об этих людях в своих мемуарах. Ведь остается живо только то, что получило отклик в слове, а остальное бесследно уходит. Поэтому врагов и обидчиков отец грозился не упоминать «ни единым словом! Будто их не было! Вычеркнуть из жизни! Сашка,

скажи, разве это не идеальное убийство?» [2. С. 387]. Таким образом, слово в романе противостоит небытию, обретая значение истинного пути в бессмертие.

Заключение

В исключительной роли универсальных категорий в художественном мире Шишкина – таких, как любовь, вечность, смерть и бессмертие – проявляется неомодернистский вектор мышления писателя. Суть неомодернизма как тенденции современной литературы определяется именно стремлением к универсализации, то есть осмыслению неких общезначимых начал человеческого бытия, не зависящих от политической конъюнктуры, не связанных напрямую с историческим контекстом и социальным окружением. Этот принцип неомодернистское художественное сознание наследует от модернистов, для которых первостепенно важным оказывается именно онтологический план содержания.

Неомодернизм как тенденцию современной русской литературы мы уже характеризовали в ряде работ (например, в [6]). Творчество М. Шишкина, с нашей точки зрения, также может быть соотнесено именно с этим направлением развития литературного процесса, на что справедливо указывает в своей статье и Я.В. Солдаткина [7]. Писатель сам подчеркивает, что действие его романа «Письмовник» намеренно выведено за пределы какой бы то ни было конкретно-исторической эпохи: «Ответить на прямой вопрос, где и когда происходит действие, сложно – оно происходит всегда и везде. И роман повествует про всех» [8].

Вектор универсализации сказывается и в том, что роман посвящен размышлениям о самых общих, онтологических основаниях человеческой жизни. Как отмечает И.Б. Ничипоров, «корреспонденция центральных персонажей, а также включенные в нее тексты иных авторов запечатлели архетипы войны и мира, которые оказываются то разведенными на полюса, то взаимодополняющими ракурсами познания бытия» [9. С. 17]. Социальное, временное при этом намеренно отодвинуто на второй план, ведь влюбленные даже живут в разных эпохах, что не препятствует объединяющему их подлинному и искреннему чувству. Сам Шишкин признается, что, по его мнению, «настоящая проза начинается, когда временное выпотевает и остается только то, что живо всегда» [1]. В подобных выводах Шишкин в какой-то степени наследует опыт предшественников, в частности Саши Соколова, который, по словам А.Г. Коваленко, «создает в произведениях некий внепространственный-вневременной мир» [10. С. 432].

Пристальное художественное исследование темы смерти также соответствует логике универсализации. Шишкин в своем романе разворачивает детальную и объемную парадигму осмысления феномена смерти, его онтологической сущности. Особенное внимание к названной проблематике в принципе характерно для неомодернистского художественного сознания, в частности, для Е. Водолазкина («Лавр», «Авиатор», «Брисбен»), А. Варламова («Мысленный волк»), М. Голубкова («Миусская площадь»), раннего П. Крусанова («Ночь внутри»). Каждый из названных авторов ставит свои

акценты в размышлениях об онтологии смерти. Взгляд Шишкина, отраженный в романе «Письмовник», характеризуется концептуальностью, многогранностью и глубиной художественного подхода, одновременно новаторского и учитывающего длительную эстетическую и интеллектуальную традицию.

Список литературы

- [1] М. Шишкин о своем новом романе «Письмовник». Беседа с Л. Данилкиным // Афиша Daily. 2010, 16 августа. URL: https://daily.afisha.ru/archive/vozduh/archive/mihail_shishkin/ (дата обращения: 20.07.2020).
- [2] Шишкин М. Письмовник. М.: АСТ, Редакция Елены Шубиной, 2017. 414 с.
- [3] Кузмин М. Предисловие к сборнику А. Ахматовой «Вечер». URL: <http://kuzmin.lit-info.ru/kuzmin/kuzmin-kritika/k-sborniku-anny-ahmatovoj-vecher.htm> (дата обращения: 20.07.2020).
- [4] Гумилев Н. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1991. 590 с.
- [5] Солнцева Н.М., Хлебус М.А. Буква и слово в пространстве художественного текста (С. Есенин, М. Шишкин) // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2018. Т. 23. № 1. С. 36–40. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2018-23-1-36-41>
- [6] Кротова Д.В. Современная русская литература. Постмодернизм и неомодернизм. М.: МАКС Пресс, 2018. 224 с.
- [7] Солдаткина Я.В. Неомодернистские тенденции в современной русской прозе // Литературоведение на современном этапе. Теория. История литературы. Творческие индивидуальности. К 130-летию со дня рождения Е.И. Замятина: по материалам Международ. конгресса литературоведов (1–4 октября 2014 г.). Тамбов – Елец: Елецкий гос. ун-т имени И.А. Бунина, 2014. Вып. 2. Кн. 2. С. 377–381.
- [8] Шишкин М. «Роман всегда умнее автора». Беседа с Н. Кочетковой // Известия. 2010, 12 февраля. URL: https://www.peoples.ru/art/literature/prose/roman/mihail_shishkin/interview.html (дата обращения: 20.07.2020).
- [9] Ничипоров И.Б. Люди и тексты в романе Михаила Шишкина «Письмовник» // Русистика без границ. 2019. № 3. С. 15–22.
- [10] Коваленко А.Г. Очерки художественной конфликтологии. Антиномизм и бинарный архетип в русской литературе XX века. М.: РУДН, 2010. 491 с.

References

- [1] Danilkin, L. (2010, August 16). M. Shishkin o svoem novom romane “Pis’movnik” [M. Shishkin about his new novel “The letter book”]. *Afisha Daily*. Retrieved July 20, 2020, from https://daily.afisha.ru/archive/vozduh/archive/mihail_shishkin/ (In Russ.)
- [2] Shishkin, M. (2017). *Pis’movnik [The letter book]*. Moscow, AST Publ., Redaktsiya Eleny Shubinoi Publ. (In Russ.)
- [3] Kuzmin, M. (1912). *Predislovie k sborniku A. Akhmatovoi “Vecher” [Preface to A. Akhmatova’s collection “Evening”]*. Retrieved July 20, 2020, from <http://kuzmin.lit-info.ru/kuzmin/kuzmin-kritika/k-sborniku-anny-ahmatovoj-vecher.htm> (In Russ.)
- [4] Gumilev, N. (1991). *Sobranie sochinenii [Collected works]* (vol. 1). Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ. (In Russ.)
- [5] Solnceva, N.M., & Khlebus, M.A. (2018). The letter and the world in the fictional realm of works by S. Esenin, M. Shishkin. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 23(1), 36–41. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2018-23-1-36-41> (In Russ.)
- [6] Krotova, D.V. (2018). *Sovremennaya russkaya literatura. Postmodernizm i neomodernizm [Modern Russian literature. Postmodernism and neomodernism]*. Moscow, MAKS Press Publ. (In Russ.)

- [7] Soldatkina, Ya.V. (2014). Neomodernistskie tendentsii v sovremennoi russkoi proze [Neomodern tendencies in contemporary Russian prose]. *Literaturovedenie na Sovremennom Etape. Teoriya. Istoriya Literatury. Tvorcheskie Individual'nosti. K 130-letiyu so Dnya Rozhdeniya E.I. Zamyatina* [Literary Criticism at the Present Stage. Theory. History of Literature. Creative Individualities. To the 130th Anniversary of the Birth of E.I. Zamyatin]: Materials of the International Congress of Literary Scholars (October 1–4, 2014) (issue 2, book 2, pp. 377–381). Tambov, Yelets, Yelets State University named after I.A. Bunin. (In Russ.)
- [8] Shishkin, M. (2010, February 12). “Roman vseгда umnee avtora”. [The novel is always smarter than the author]. *Izvestiya*. Retrieved July 20, 2020, from https://www.peoples.ru/art/literature/prose/roman/mihail_shishkin/interview.html (In Russ.)
- [9] Nichiporov, I.B. (2019). People and texts in the novel by Mikhail Shishkin “The letter book”. *Russian Studies without Borders*, (3), 15–22. (In Russ.)
- [10] Kovalenko, A.G. (2010). *Ocherki khudozhestvennoi konfliktologii. Antinomizm i binarnyi arkhetyip v russkoi literature XX veka* [Essays on artistic conflictology. Antinomism and binary archetype in Russian literature of the twentieth century]. Moscow, RUDN University. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Кротова Дарья Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. eLIBRARY SPIN-код: 9368-4746. E-mail: da-kro@yandex.ru.

Bio note:

Daria V. Krotova, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Modern Russian Literature and Contemporary Literary Process of the Philological Faculty of Lomonosov Moscow State University. eLIBRARY SPIN-code: 9368-4746. E-mail: da-kro@yandex.ru.